

Цзян Ехун махнул ему рукой, подзывая ближе:

— Слезай живо. От твоего мычания никакого толку, я всё равно ничего не понимаю.

Гао Ли лишь отчаянно затряс головой; он был в ужасе. Ехун, чьи мышцы гудели от долгой погони, едва сдерживал раздражение.

— Это ведь ты вчера отирался у моих дверей?

Безумец закивал так рьяно, словно голова вот-вот сорвется с плеч.

— Значит, ты не еду воровать приходил, — заключил Ехун. — Ты меня искал, верно?

Гао Ли снова закивал и принялся лихорадочно жестикулировать, вычерчивая в воздухе непонятные знаки. Ехун нахмурился, тщетно пытаясь разобрать этот хаотичный шифр.

— Да спустись же ты наконец! Говорим как...

Договорить он не успел. Кожу на затылке обдало могильным холодом — инстинкт, отточенный годами, взвыл о смертельной опасности. Ехун выхватил меч и крутанулся на пятках. В то же мгновение стальное жало длинного копья, свистнув, прошло в волоске от его щеки.

Ехун перехватил древко, рванул на себя. Нападавший, чьё лицо скрывала чёрная маска, не издал ни звука, но жаждал крови.

— Ты ещё кто такой? — прорычал Ехун.

Убийца не ответил. Он резко крутанул рукоять влево — раздался сухой щелчок, и из полого древка скользнула гибкая сталь мягкого меча. Клинок свистнул, описывая горизонтальную дугу, целясь Ехуну в горло. Тот едва успел заблокировать удар наконечником копья, оставшимся у него в руках. Сила врага была внушительной, однако без длинного древка его натиск потерял в размахе.

Отшвырнув обломок копья, Ехун перешёл в контратаку. Клинок его меча устремился прямо в лицо противника, а следом последовал тяжёлый удар сапогом в грудь, вышвырнувший нападавшего из молельного зала. Тот, впрочем, оказался ловок: перекатившись, он мгновенно вскочил на ноги и снова бросился в бой.

Ехун чертыхнулся про себя. Меч в его руке казался неповоротливым обрубок — он привык к своему зонту Хунье, и эта непривычная тяжесть мешала покончить с врагом одним махом. Убийца же действовал напористо и искусно, не давая передышки.

— Я — старший ловец Люшаньмэнь Чу Фэй! — выкрикнул Ехун, уклоняясь от очередного выпада. — Зачем ты напал на меня?!

Убийца был яростен, как дикий зверь, защищающий свои владения. Будь у Ехуна его верное оружие, этот наглец уже давно остывал бы на полу, превратившись в бездыханную тушу. Нарастающее раздражение, копившееся с самого момента его странного «пробуждения» в этом теле, наконец нашло выход. Ехун крепче сжал рукоять.

— Раз не желаешь говорить, я выблюю из тебя признание силой.

Слова сменились яростной сталью. Через десяток разменочных ударов Ехун раскусил манеру противника. Он заметил, что тот неосознанно бережёт левое плечо, избегая резких усилий этой рукой. «Ранен», — мелькнула догадка. Расчёт оправдался: как только Ехун сосредоточил атаки на левой стороне, убийца начал сдавать.

Улучив момент, Ехун нанёс сокрушительный удар ногой в левое колено врага. Тот вскрикнул и рухнул на одно колено. Не давая ему опомниться, Ехун точным выпадом выбил мягкий меч из его пальцев. Поняв, что схватка проиграна, масочник вскочил и бросился наутёк. Ехун не стал преследовать его — силы были на исходе.

Он вернулся в молельню, надеясь найти Гао Ли, но тот словно сквозь землю провалился. Только сейчас до Ехуна дошло, что в пылу погони он совершил непростительную оплошность — оставил Жун Жо одного. Очертя голову, он помчался назад, ориентируясь на собственные следы.

Ни по дороге, ни на месте их расставания парня не было. Холодный липкий страх коснулся сердца Ехуна. Он бросился к дому старосты.

Ло Чуньчжи в окружении кучки крестьян как раз обсуждал детали предстоящего праздника. Ехун ворвался в круг, не заботясь о приличиях.

— Староста! Юноша, что был со мной... он не возвращался?

Ло Чуньчжи растерянно моргнул:

— Молодой господин? Нет, мы его не видели. Всё время сидим здесь, спорим о подношениях. А что, он пропал?

Сердце Ехуна пропустило удар.

— Прошу вас, направьте людей на поиски. Он мог заблудиться в лесу.

Староста засуетился:

— Конечно, конечно! Эй, вы, обойдите деревню, загляните в каждый угол. Вдруг малый где прикорнул или свернул не туда.

Ехун вместе с поисковым отрядом прочесал всё селение. Он клял себя на чём свет стоит: в таком гиблом месте оставлять Жун Жо одного ради погони за юродивым! Группа за группой возвращались ни с чем. С неба снова посыпалась серая изморось, переходящая в дождь. В отчаянии Ехун с силой вогнал меч в грязь.

К дому старосты он вернулся уже в сумерках.

— Господин Чу, не терзайте себя так, — увещевал Ло Чуньчжи. — Сейчас перекусите, а я кликну ещё народ, на гору слазаем. Ночью-то в лесу несладко.

У Ехуна кусок в горло не лез.

— Это я виноват... Староста, расскажите-ка о том заброшенном поместье на западном склоне. Что это за место?

Свет свечей задрожал, углубляя морщины Ло Чуньчжи. Он смотрел холодно, почти неживо.

— А, та усадьба... Давно это было. Приехала семья купцов из-за великой стены, искали покоя, вот и построились на отшибе. Лет десять назад там случился пожар — страшный, среди ночи. Все до единого сгорели. Они с нашими-то не больно знались, жили бирюками. Ну, мы кости схоронили, с тех пор дом и пустует. Дурное место, господин Чу, обходят его все.

— Вот как... Прошу, соберите ещё людей. Жун Жо здесь чужой, если с ним что случится...

— Сейчас всё устрою, не волнуйтесь вы так.

Тьма. Плотная, осязаемая темнота, в которой звук капающей воды раздавался подобно ударам молота. Судя по запаху сырости и затхлости, это была пещера или подземелье. Когда Жун Жо открыл глаза, затылок взорвался тупой болью. Стоило Ехуну скрыться из виду, как кто-то оглушил его и приволок сюда.

Спичек при себе не было, но Жун Жо не боялся темноты. Он вырос в местах, где мрак был союзником. Ориентируясь на плеск воды, он побрёл вперёд. Стена под пальцами была склизкой, влажной. Внезапно он споткнулся обо что-то твёрдое. Ощупав препятствие, он понял — это ступени. Каменная лестница вела вниз, и оттуда тянуло странным, тяжёлым

сквозняком.

Спуск казался бесконечным. Пару раз коридор петлял, пока впереди не забрезжил тусклый свет. Жун Жо замер у входа под высокой каменной аркой. Знаки, выбитые на своде, были ему незнакомы, но барельефы по бокам не оставляли сомнений — здесь проводили кровавые обряды.

Он осторожно заглянул внутрь. На дне огромного грота, рядом с подземной рекой, возвышался алтарь, в центре которого стоял исполинский бронзовый треножник-дин. Вокруг горели факелы, но стражи видно не было.

Жун Жо ступил на ритуальную площадку. Пол был иссечён глубокими желобами в форме восьмиграммы, заполненными чёрной коркой. Юноша коснулся налёта пальцами, поднёс к лицу. Запах старой крови. Бронзовый дин был высотой с хижину; рядом с ним человек казался лишь мелкой сошкой. Жун Жо провел ладонью по металлу — на коже остался след яркой краски. «Цвет фальшивый, — мелькнула мысль. — Его покрасили под старину».

Послышались шаги. Жун Жо мгновенно нырнул за массивную ножку треножника. В зал вошли двое в соломенных плащах. Они отвесили ритуальный поклон сосуду, а затем опорожнили деревянные вёдра в желоба алтаря. Густая алая жидкость заструилась по бороздам. Кровь была свежей.

Как только чужаки ушли, Жун Жо бросился назад к лестнице. Он бежал, не чуя под собой ног, пока не выбрался на поверхность. Шёл проливной дождь. Юноша угодил в грязевую яму, и прежде чем успел подняться, за спиной раздался лязг вынимаемой из ножен стали. Жун Жо резко обернулся; перед глазами сверкнул холодный блик.

Дождь усилился, барабанил по клинкам. Тот, кто напал на него, теперь неподвижно лежал в грязи. Его глаза были широко распахнуты, а половина лица погрузилась в жижу, которая быстро окрашивалась багрянцем. Вспышка молнии на миг осветила сцену: Жун Жо стоял рядом, а тонкая, почти невидимая серебряная нить, обмотанная вокруг его пальцев, другим концом всё ещё впивалась в горло убитого.

Юноша смотал нить, на губах его промелькнула едва заметная холодная улыбка. Он узнал покойника — один из тех «помощников», что крутились утром возле старосты. Стряхнув капли крови с пальцев, Жун Жо побрёл дальше сквозь стену дождя. Спустя какое-то время он услышал крики. Его звали.

— Старший брат Чу! Я здесь! — Жун Жо снова картинно поскользнулся и упал, позволив грязи залепить лицо.

— А-Жо! — Ехун подлетел к нему, рывком поднимая из жижи. — Я с ума сходил, пока тебя искал! Как ты здесь оказался?

— Я... — вода ручьями стекала по лицу парня, он дрожал всем телом. — Прости меня, я...

Он обмяк в руках Ехуна, и тот, не раздумывая, подхватил его на руки.

Забыв о промокших сапогах и усталости, Ехун почти бегом доставил его к старосте. Было уже за полночь. Одежда на Жун Жо была насквозь мокрой. Одолжив у Ло Чуньчжи сухие вещи, Ехун принялся переодевать юношу. Но стоило ему стянуть липкую ткань с плеч, обнажив белизну кожи, как лицо его вспыхнуло. Сердце предательски зачастило. «Что за наваждение?» — промелькнуло в голове.

Ехун тряхнул головой, отгоняя странные мысли, и принялся растирать ледяное тело Жун Жо полотенцем. Каждый раз, когда его пальцы касались этой кожи, нежной и бледной, словно первый снег, кончики его рук обжигало жаром. «Совсем рассудок потерял, — клял себя Ехун. — Перед тобой парень, а ты на него как на девку заглядываешься».

От этих мыслей он вздрогнул. Жун Жо зашевелился, приоткрывая затуманенные глаза. Увидев Ехуна, он на миг замер, а затем, осознав, что раздет, в испуге сжался и потянул на себя одеяло.

Ехун задеревенел. «Ну всё, решит, что я воспользовался его беспамятством».

— Я... я ничего такого не делал, — забормотал он, чувствуя, как краснеет ещё сильнее. — Твоя одежда промокла, ты бы застудился... Я просто хотел сменить её на сухую.

Ехун чувствовал себя последним дураком, сам не понимая, за что оправдывается. Жун Жо, кажется, немного успокоился.

— Я знаю, старший брат Чу. Не нужно... спасибо тебе.

— Как ты попал на гору? — Ехун решил сменить тему. — Хорошо, что я тебя нашёл, иначе к утру от тебя бы и ледышки не осталось.

В его голосе звучала напускная суровость, за которой он прятал недавнее беспокойство. Жун Жо виновато опустил глаза, словно вот-вот расплачется.

— Прости меня... Я не сам туда ушёл. Меня...

Он замолчал, изображая глубокое потрясение. Ехун смягчился — он ведь сам его бросил.

— Что случилось? Говори правду.

Жун Жо в красках описал пещеру, алтарь и таинственный дин, предусмотрительно умолчав о том, как хладнокровно расправился с преследователем. Ехун слушал, и чувство вины грызло его всё сильнее. Мальчишку оглушили и уволокли в логово чернокнижников, а он в это время играл в кошки-мышки с убийцей.

— Дай-ка я гляну голову, — тихо сказал Ехун, присаживаясь на край кровати.

Жун Жо послушно склонил голову. Раздвинув волосы на затылке, Ехун увидел огромную багровую шишку.

— Очень болит?

Юноша едва не заплакал, он зябко обхватил себя руками.

— Почти нет...

— Врёшь ведь, — выдохнул Ехун, чувствуя, как в груди щемит от жалости. Он неосторожно притянул парня к себе, и Жун Жо уткнулся ему в плечо. В голове Ехуна словно что-то взорвалось — мир на мгновение перестал существовать.

<http://bllate.org/book/17428/1653748>